

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 78 (09)

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ШКОЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ (1920–1930-е гг.)

Н.П. Мамаева

Детская музыкальная школа № 6 «Классика» г. Перми

Показано, что философами и педагогами Русского зарубежья «первой волны», разрабатывавшими вопросы образования и воспитания русских детей в условиях эмиграции, был выдвинут и обоснован ряд фундаментальных идей, имевших основополагающее значение для музыкального образования в русских школах за границей как его теоретическая основа. К их числу относились идеи о необходимости сохранения национальной идентичности детей беженцев, их обучении и воспитании на основе отечественных духовных ценностей, учении Русской православной церкви, лучших достижениях отечественного и мирового искусства. Обоснован тезис о том, что музыкальное искусство трактовалось русской эмигрантской философско-педагогической мыслью как мощный фактор национального, нравственного, эстетического воспитания детей русских беженцев, эффективное средство их психоэмоциональной поддержки.

Ключевые слова: *Русское зарубежье, школьное музыкальное образование, теоретические основы.*

В Русском зарубежье 1920–1930-х гг. проводилась значительная работа по теоретическому осмыслению основополагающих вопросов образования и воспитания детей и юношества. Необходимость этой работы диктовалась принципиально иными по сравнению с дореволюционной Россией условиями, в которых оказались русские беженцы и их дети за границей. Большой вклад в разработку вопросов обучения и воспитания детей и юношества в условиях эмиграции внесли находившиеся за рубежом русские философы и педагоги А.Л. Бем, С.И. Гессен, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, А.В. Жекулина, А.А. Земляницын и др. Проведенный нами анализ работ этих мыслителей показал, что ими был выдвинут и обоснован ряд идей, составивших теоретическую базу обучения и воспитания детей в русской зарубежной школе.

Основополагающее значение для музыкального образования в школах Русского зарубежья как его теоретическое основание имела выдвинутая русскими философами *идея о необходимости сохранить в условиях эмиграции русских детей русскими*. Возможность достижения этого виделась через построение всей воспитательно-образовательной деятельности эмигрантских школ и внешкольных учреждений на основе

национальных духовных ценностей. К числу приоритетных национальных ценностей в образовании и воспитании они относили родной язык, русскую литературу, отечественную историю, русское искусство, традиции семейного воспитания, православие. Мыслители считали, что образовательный процесс должен быть максимально насыщен национальными ценностями. В связи с этим И.А. Ильин писал: «...надо сделать так, чтобы все прекрасные предметы, впервые пробуждающие дух ребенка, вызывающие в нем умиление, восхищение, преклонение, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушие, жажду подвига, волю к качеству – были национальными, у нас в России – национально-русскими; и далее: чтобы они почувствовали в себе кровь и дух своих предков и приняли бы любовью и волею – всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа; чтобы их душа отзывалась трепетом и умилением на дела и слова русских святых, героев, гениев и вождей» [20, с. 319].

Основную цель образования в эмигрантской школе мыслители Русского зарубежья видели в формировании национального мировоззрения учащихся. К задачам такого образования они относили формирование у учащихся понимания исторического развития русского народа, воспитание их на сокровищницах русской культуры. Опора на национальные ценности образования, отмечает М.В. Богуславский, являлась важнейшим средством сохранения и воспроизводства отечественной культуры, способствовала органичному вхождению русских людей в иную социокультурную реальность [6, с. 51].

Важное значение для музыкального образования в русской эмигрантской школе как одна из его теоретических основ имела проповедовавшаяся русскими философами-эмигрантами *идея целостной личности* и связанная с ней *идея целостного образования*. Идеал целостности активно разрабатывался отечественной философской мыслью еще в XIX веке. Под целостной личностью, по мнению В.И. Адищева, русские философы того времени понимали личность, в которой «все ее духовные силы – познавательные, нравственные, религиозные, эстетические – соединены в единое гармоничное целое», а целостное образование они трактовали как процесс развития всех духовных сил человека [1, с. 95]. Философы Русского зарубежья, отстаивая вслед за предшественниками необходимость организации деятельности русской школы на основе идеала целостности, подчеркивали его особую актуальность в условиях эмиграции. Так, В.В. Зеньковский писал, что именно в эмиграции появилась возможность целостности «в силу единства нашей судьбы, нашего жизненного пути. Это духовно объединяет нас с детьми и в школе, и в семье и создает возможность более глубокого и всестороннего воспитательного воздействия нашего на молодое поколение» [12, с. 173]. Мыслитель критиковал современную

ему школу за ее односторонность, отмечал, что «радикальное зло современной школы заключается в ее нецелостности, в том, что она поддерживает и укрепляет изоляцию интеллекта от других сил души, имеет в виду не развитие личности ребенка в целом, а развитие отдельных его сторон» [17, с. 171].

Важную роль в развитии целостной личности философы Русского зарубежья отводили духовно-нравственному воспитанию. С.И. Гессен, размышляя о духовном воспитании личности, подчеркивал, что «могущество индивидуальности коренится не в природной мощи ее психофизического организма, но в тех духовных ценностях, которыми проникается ее душа» [9, с. 18]. Философы отмечали, что в духовном воспитании детей-эмигрантов надо не столько учить детей, сколько интересоваться их жизнью, уметь разделить с ними их детские радости и волнения. А.Л. Бем большое значение отводил роли учителя как психолога, который должен «найти путь к душе современного ребенка» [4, с. 216].

В деле духовного воспитания детей философы предлагали обратиться к русским православным традициям. Они отмечали, что именно религия в условиях эмиграции должна давать детям «духовное питание», духовную опору. В.В. Зеньковский говорил о «иерархической структуре личности», где духовная страта является определяющей и объединяющей в целостность. Он отмечал, что русские школы в большей степени должны насыщать духовную и моральную природу детей всем тем глубоким и ценным, что заключено в русской культуре, а основой русской культуры является православие [8, с. 51]. И.А. Ильин писал о духовном как части национального воспитания, а молитву относил к национальной сокровищнице. Философ отмечал, что молитва даст ребенку духовную гармонию, источник духовной силы, научит его сосредотачивать чувство и волю, даст ему религиозный опыт и поведет его к религиозной очевидности по-русски [14, с. 21].

В формировании целостной личности философы Русского зарубежья указывали на необходимость развития природных индивидуальных качеств человека. В.В. Зеньковский в связи с этим писал: «Мы не можем ничего навязывать ребенку, потому что не существует одного для всех идеала, каждая индивидуальность должна найти свой путь к своей идеальной форме» [11, с. 9].

В развитии целостной личности философы большую роль отводили эстетической составляющей. Так, А.Л. Бем отмечал, что эстетическое воспитание имеет первостепенное значение для всего строя душевной жизни ребенка. Школа, писал он, слишком загружена интеллектуальным материалом, в семье наблюдается «безэстетичность», отсутствие общения с природой, отсутствие няни, сказки, падение культа песни – все это лишает душу эстетических эмоций. Философ был

убежден, что детей надо спасать через красоту [3, с. 229–230]. В докладе «Эстетический момент воспитания», зачитанном на педагогическом съезде (Прага, 1929), А.Л. Бем говорил, что желательно поощрять молодежь во всех областях творчества. В приобщении молодого поколения к русской национальной стихии, считал он, следует большое место отводить музыке и пению [15, л. 18].

Идея целостной личности нацеливала педагогику и образовательную практику Русского зарубежья на решение проблемы разностороннего развития личности, всех ее духовных сил, включая эстетическое начало. Она обосновывала необходимость введения в содержание общего образования эмигрантской школы предметов искусства, в том числе предмета «Пение».

Большое значение для музыкального образования в эмигрантских школах в качестве его теоретической базы имели наработки философов Русского зарубежья о сущности и функциях искусства, роли музыки в воспитании подрастающего поколения. Особенно значимый вклад в исследование этих вопросов внесли И.А. Ильин, В.В. Зеньковский, С.И. Гессен, М.Н. Ершов, что делает необходимым рассмотреть их работы более подробно, изложив и краткие сведения об этих мыслителях.

В философских трудах *Ивана Александровича Ильина* (1883–1954), созданных в эмиграции, значительное место уделено вопросам воспитания подрастающего поколения. Образование без воспитания, писал он, не формирует человека, а «разнуздывает и портит его» [13, с. 412]. Говоря об особой значимости национального начала в воспитании русских людей в эмиграции, он отмечал, что «человек, утративший доступ к духовной воде и духовному огню своего народа, становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам» [20, с. 318]. И.А. Ильин подчеркивал уникальность русского народа. «У нас своя особая вера, свой характер, свой уклад души. Мы иначе любим, иначе созерцаем, иначе поем», – писал он [14, с. 14]. Все предметы, которые впервые будут пробуждать дух русского ребенка, отмечал мыслитель, должны быть национальными, русскими. Дух национального воспитания, считал он, формируется через «национальные сокровища», такие как язык, песня, молитва, сказка, поэзия, история и др.

И.А. Ильин неоднократно подчеркивал значимость и роль пения в национальном воспитании каждого ребенка. «Пение, – писал он, – принесет ему первый душевный вздох и первый духовный стон», и оно должно быть русским [20, с. 320]. Пение, по мысли философа, «помогает рождению и изживанию чувства в душе; оно превращает пассивный, беспомощный и потому обычно тягостный аффект – в активную, текучую, творческую эмоцию: ребенок должен бессознательно усваивать *русский строй чувств и особенно духовных чувствований*. Пение научит

его *первому одухотворению* душевного естества – по-русски; пение даст ему первое не-животное счастье – по-русски» [20, с. 320] (курсив И.А. Ильина – Н.М.).

Большое значение мыслитель уделял знакомству детей с русской народной песней. «Ребенок должен слышать русскую песню еще в колыбели» [20, с. 320], – писал он. Характеризуя данный феномен, он отмечал: «Русская песня глубока, как человеческое страдание; искренна, как молитва, сладостна, как любовь и утешение» [20, с. 320]. В эмиграции, в тяжелых жизненных условиях, подчеркивал мыслитель, народный напев «даст детской душе исход из грозящего озлобления и каменения» [20, с. 320]. Он рекомендовал родителям и педагогам завести русский песенник и постоянно обогащать детскую душу русскими мелодиями, наигрывать, напевать, побуждать подпевать, участвовать в хоре. Мыслитель говорил о необходимости повсюду «создавать детские хоры – церковные и светские», устраивать съезды русской национальной песни. Хоровое исполнение он представлял себе как многоголосное пение, «а не унисонный рев толпы» [20, с. 320].

Наравне с русской песней И.А. Ильин считал необходимым знакомить детей с молитвой. «Самобытную молитву, – писал он, – надо вдохнуть ребенку с первых лет жизни» [20, с. 321]. Он полагал, что молитва дает ребенку духовную гармонию, источник духовной силы, учит сосредотачивать чувство и волю, дает ему религиозный опыт и ведет его к религиозной очевидности по-русски. Еще раз подчеркнем: философ считал, что знакомство детей с русской песней и молитвой необходимо осуществлять с первых лет его жизни, с колыбели. Он отмечал также необходимость всестороннего развития учащихся, предлагал по мере взросления детей знакомить их со всеми видами русского искусства – музыкой, архитектурой, живописью, театром, скульптурой.

Для педагогической концепции *Василия Васильевича Зеньковского* (1881–1962), как отмечают исследователи, было характерно признание высокой ценности внутреннего, нравственного мира воспитуемого, стремление личности к самоформированию, развитию эмоционально-нравственной сферы человека [2, с. 346]. В воспитательной и образовательной работе с учащимися В.В. Зеньковский ставил задачу развития творческих сил ребенка, «творческой основы души». В связи с этим мыслитель писал: «Если в нас есть творческая сила, то и развитие интеллекта и активности будет бесценным подспорьем в творческом движении нашем» [11, с. 11]. Большое значение мыслитель придавал развитию эмоциональной сферы ребенка. Именно в эмоциональной сфере души, отмечал он, находится вся наша творческая энергия, от здоровья и болезней этой сферы зависит не только психическое равновесие, но и «продуктивное действие».

Исключительную роль в воспитании подрастающего поколения В.В. Зеньковский отводил православию, которое он рассматривал как высшую национальную ценность, определяющую все стороны жизни детей. В религиозном воспитании, по его мнению, «основное место должно принадлежать развитию религиозного вдохновения, живой свободной и всецелой погруженности души в жизнь Церкви». Участие детей в литургической жизни церкви, включающей и пение в храме, составляет, утверждал он, «сердце религиозного воспитания» [12, с. 245].

В своих работах В.В. Зеньковский постоянно подчеркивал большую роль эстетического начала в жизни, воспитании детей и юношества. «В духовном созревании, – писал он, – огромное, а иногда и совершенно исключительное значение принадлежит эстетической сфере в нас» [12, с. 244]. Он полагал важным использовать все «эстетические силы», в том числе искусство, в целях укрепления духовной жизни молодых людей.

Огромное значение В.В. Зеньковский придавал сохранению русских культурных традиций в школах, которые в условиях эмиграции, по его мнению, должны стать «русскими культурными центрами, быть проводниками не только знаний, но и русской культуры во всем ее необозримом содержании» [12, с. 177]. Мощным средством сохранения «русской стихии в детях» философ считал русское искусство. Он утверждал, что «тип и склад русской души легче всего становится доступным нашим детям через искусство». Большое значение он придавал русскому музыкальному искусству – инструментальной музыке и особенно народной песне – как «незаменимому, в некотором смысле исключительному проводнику русской стихии» [12, с. 177].

В «Основах педагогики», одной из наиболее востребованных педагогических книг Русского зарубежья, ее автор *Сергей Иосифович Гессен* (1887–1950) показал, что основу образования должны составлять культурные ценности. Главную задачу образования он формулировал как «приобщение человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства, превращение природного человека в культурного» [9, с. 36] (курсив С.И. Гессена – *Н.М.*). Поэтому и педагогика как общая теория образования, отмечал он, должна включать теорию научного, художественного, религиозного и хозяйственного образования.

Одной из центральных идей педагогической концепции С.И. Гессена была идея единства национального и общечеловеческого в образовании подрастающего поколения. Размышляя о нации и человечестве, С.И. Гессен отмечал их «взаимопроникновение». По мнению ученого, весь мировой культурный процесс сочетает в себе многообразие национальных культур, каждая из которых сугубо индивидуальна. В свою очередь, нация виделась им как выразитель

общечеловеческих ценностей. Мыслитель считал, что национальное образование должно способствовать приобщению учащихся к мировой культуре.

С.И. Гессен выступал против культурной изоляции наций, считал, что это приводит к понижению уровня образования, проповедовал идею сотрудничества между народами. Он был убежден, что национальное образование должно включать в себя как «сверхнациональное», так и «областное» образование. К подлинному национальному философу относил «хорошо поставленное нравственное, научное и художественное образование» [9, с. 17]. Приобщение русского народа к мировой культуре мыслитель видел в осуществлении через «посредство общерусской культуры, охватывающей областные разветвления и ими питаемой, чем при самодовлеющем существовании областных национальностей в их непреступной и враждебной целому обособленности» [9, с. 17].

Целью образования, по С.И. Гессену, является приобщение ученика к русским и мировым культурным ценностям, научным достижениям. Одновременно он видел цель образования в формировании высоконравственной, свободной и ответственной личности. Своеобразие личности он видел в ее духовности. В организации системы образования и во взаимоотношениях учителя и ученика ведущим считал принцип свободы. «Свобода есть творчество нового, в мире дотоле не существовавшего... Свобода не есть произвольный выбор между несколькими уже данными в готовом виде, хотя и возможными только путями, но создание нового особого пути, не существовавшего ранее даже в виде возможного выхода» [9, с. 17].

Придавая большое значение русскому элементу в воспитании и обучении детей беженцев, ученые-педагоги Русского зарубежья говорили о необходимости знакомить их с культурой той страны, в которой они проживали. Так, профессор Страсбургского и Пражского университетов С.И. Карцевский писал, что преподавание «национальных предметов должно быть организовано так, чтобы наряду с любовью и уважением к своему у воспитанников укреплялось бы уважение и интерес и к чужому» [5, с. 60]. Отечественные педагоги, отмечает современный исследователь русской эмигрантской школы С.Н. Васильева, считали необходимым вводить учащихся русских школ за рубежом в сферу как национальных, так и общечеловеческих ценностей, подчеркивали важность «приобщения русской души к родной и общечеловеческой культуре» [7, с. 192].

Ученые-педагоги русской эмиграции подчеркивали позитивную роль искусства в установлении добрых отношений между русскими беженцами и коренными жителями. По этому поводу А.А. Земляницын писал, что «способность к пониманию и чувству всего «человеческого» в нас развивает искусство» [10, л. 4]. Педагог был

убежден, что «для достижения того взаимного понимания между людьми, без которого невозможна постановка и разработка высших задач общественного развития в духе истинной гуманности, необходимо искусство, настоящее, глубокое, раскрывающее внутренний мир людей, сближающее души» [10, л. 5].

Здесь уместно заметить, что педагоги Русского зарубежья, сохраняя и транслируя в эмиграции российские педагогические традиции, были открыты педагогической культуре Запада. Они знакомились с публикациями европейских и американских педагогов, принимали участие в международных педагогических конгрессах и конференциях, использовали зарубежные педагогические новации в деятельности русской эмигрантской школы. Видный деятель общественно-педагогического движения А.В. Жекулина в связи с этим писала: «Наши дети – это все, что осталось нам от прежней жизни. Мы стремимся дать им лучшее образование, которое может предоставить Европа, но в то же время сохранить нашу религию, искусство, литературу, музыку» [16, л. 117].

Говоря о русской педагогической мысли первых эмигрантских лет, следует отметить то обстоятельство, что многие педагогические деятели в своих публикациях ставили вопрос о необходимости особенно бережного отношения к детям беженцев, пережившим в те годы немалые лишения, а порой и потрясения. Высказывалась мысль о необходимости использования в работе с такими детьми педагогической терапии. Журнал «Русская школа за рубежом», освещающая данную проблему, писал, что русским детям, оказавшимся в эмиграции, прежде всего необходима «педагогическая терапия, так как в большинстве случаев это дети больные, зараженные всеми ужасами революционной эпохи и гражданской войны...» [18, с. 95]. Ставилась задача организовать работу русских школ за рубежом таким образом, чтобы, воздействуя «на всю душу ребенка или юноши, одновременно лечить, воспитывать и учить» [19, л. 13]. В качестве одного из действенных средств эмоционально-психической поддержки детей беженцев называлась музыка.

Итак, проведенный анализ литературы и источников показал, что основополагающее значение для музыкального образования в школах и внешкольных учреждениях русской эмиграции как его теоретическая основа имели сформулированные отечественными мыслителями идеи о необходимости сохранения национальной идентичности русских детей в условиях эмиграции, их обучении и воспитании на основе национальных духовных ценностей, учения Русской православной церкви, лучших достижений дореволюционной педагогической теории и практики. Принципиально значимым для музыкального образования в русских школах за рубежом в качестве его теоретической базы являлись также выдвинутые отечественной философско-педагогической мыслью в

дореволюционное время и развитие в эмиграции идеи целостной личности и целостного образования. Музыкальное искусство трактовалось ими как исключительно значимый фактор национального, нравственного, эстетического воспитания детей, средство их психоэмоциональной поддержки.

Список литературы

1. Адищев В.И. Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах России второй половины XIX – начала XX века: теория, концепции, практика: моногр. М.: Музыка, 2007. 344 с.
2. Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект, 2002. 1152 с.
3. Бем А.Л. Вопросы эстетического воспитания // Вестник Педагогического бюро / ред.-изд. А. Бем; отв. ред. проф. Фр. Спевак. Прага: А. Бем, 1929. № 16–17. С. 229–230.
4. Бем А.Л. Наблюдения и выводы // Дети эмиграции: сб. ст. / под ред. проф. В.В. Зеньковского. Прага: Изд-во Пед. бюро по делам сред. и низш. рус. шк. за границей, 1925. С. 195–235.
5. Богуславский М.В. История отечественной педагогики (первая треть XX века); Рос. акад. образования, Ин-т теории и педагогики. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2005. 310 с.
6. Богуславский М.В. Трактровка национальных ценностей образования в наследии философов русского зарубежья (1920–50-е гг.) // Национальные ценности образования: история и современность: материалы XVII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки / под ред. З.И. Равкина. М.: ИТИП РАО, 1996. С. 50–53.
7. Васильева С.Н. Русская эмигрантская школа в свете аксиологических проблем образования // Аксиологические аспекты историко-педагогического обоснования стратегии развития отечественного образования: тезисы докладов и выступлений на XV сессии Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки (17–18 мая 1994 г.) / под ред. чл.-кор. РАО З.И. Равкина. М., 1994. С. 192–196.
8. Владыкина В.А. И в изгнании учить любви к Родине // Педагогика. 1995. № 3. С. 47–51.
9. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
10. Доклады белоэмигрантов – деятелей русской белоэмигрантской школы за границей, не прочитанные на I белоэмигрантском съезде и не вошедшие в труды съезда. Март 1923 – апрель 1923 // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 9. 128 л.
11. Зеньковский В.В. О педагогическом интеллектуализме. Очерк первый // Русская школа за рубежом. Прага. 1923. № 4. С. 1–21.
12. Зеньковский В.В. Проблемы школьного воспитания в эмиграции // Русская школа за рубежом. Прага. 1929. № 32. С. 170–183.
13. 103. Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. 462 с.
14. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего: Об основах духовного характера: Публ. речь, произнесенная в 1934 г. в Риге, Берлине, Белграде и Праге. Б.м.: Нац.-трудовой союз нового поколения. Генер. представительство в Германии, 1937. 31 с.

15. Материалы белоэмигрантского съезда по вопросам воспитания русской белоэмигрантской молодежи за рубежом. 6–9 июля 1929 // ГА РФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 22. 275 л.
16. Материалы о деятельности белоэмигрантских педагогических организаций в Америке, на Балканах, на Дальнем Востоке, во Франции и в Финляндии. 1924–1929 // ГА РФ. Р-5785. Оп. 2. Д. 46. 341 л.
17. Очерки истории образования и педагогической мысли российского зарубежья (20–50-е гг. XX в.): монография / Е.Г. Осовский, О.Е. Осовский, Л.Ю. Беленкова и др.; редкол.: О.Е. Осовский (отв. ред.) и др. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 2000. 194 с.
18. Петров А. Материалы по истории русской школы за рубежом // Русская школа за рубежом. Прага, 1924. № 9. С. 92–105.
19. Сведения о русских школах и гимназиях, открытых русскими эмигрантами в Греции. 1926–1927 // ГА РФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 40. 3 л.
20. Хрестоматия. Педагогика Российского зарубежья: пособие для пед. ун-тов, институтов и колледжей / Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т; сост.: Е.Г. Осовский, О.Е. Осовский. М.: Ин-т практ. психологии, Б. г. (1996). 528 с.

ON THE THEORETICAL BASES OF SCHOOL MUSIC EDUCATION IN THE RUSSIAN ABROAD (1920–1930)

N.P. Mamaeva

Children's music school № 6 «Classics», Perm

The philosophers and teachers of the Russian abroad who belonged to the “first wave” and who explored the subject of education and upbringing of Russian children in emigration, are proved to have put forward and substantiated a number of fundamental ideas which were of primary importance to the music education in Russian schools abroad and served as a theoretical basis for the education. These included ideas about the need to preserve the national identity of refugee children, educate and bring them up following Russian spiritual values, teachings of the Russian Orthodox Church and the best achievements of Russian and world art. The thesis that musical art was interpreted by the Russian emigre philosophical and pedagogical thought as a powerful factor in the national, moral and aesthetic education of Russian refugees' children, as well as an effective means of their psycho-emotional support, is justified.

Keywords: *Russian abroad, school music education, theoretical basis.*

Об авторе:

МАМАЕВА Надежда Павловна – преподаватель по классу фортепиано муниципального автономного образовательного учреждения дополнительного образования «Детская музыкальная школа № 6 «Классика» г. Перми (614065, Пермь, шоссе Космонавтов, д. 205а), e-mail: nadya.mamaeva@bk.ru